Свое название театр «Сфера» получил из-за необычно организованного пространства. Сцена и зал здесь слились в единое целое и имеют форму круга. Посредине – маленький пятачок, окружаемый со всех сторон зрителями, которые чувствуют себя не только свидетелями, но и участниками действа. Стремление к объединению в искусстве вообще характерно для руководителя этого театра народной артистки России Екатерины ЕЛАНСКОЙ. Прежде чем стать режиссером, она была актрисой. А еще Екатерина Ильинична - продолжательница знаменитой театральной династии: ее мать, Клавдия Еланская, была ведущей актрисой МХАТа, отец, Илья Судаков – известным режиссером.

Екатерина ЕЛАНСКАЯ:

ТЕАТР ДОЛЖЕН ПОПАДАТЬ В ЛЮДЕЙ

– Екатерина Ильинична, как возникла идея театра-сферы?

- У меня произошел конфликт с традиционным театром, в котором я работала. Хотя внешне все складывалось вполне благополучно: я ставила спектакли в нескольких театрах, последним был «Современник», в котором вышел «Вкус черешни» с Олегом Далем... Но в какой-то момент почувствовала, что эту форму театра категорически разлюбила. Поняла: нужно создать принципиально другую форму, чтобы сцена находилась в тесном контакте с залом и ничто не мешало их общению. В обычном театре этому мешает все: удаленность рядов, «четвертая стена». На сцене своя жизнь, а зритель словно подглядывает за ней со стороны. С моей точки зрения, с тех пор как выросло многомерное кино и телевидение, театр должен обретать другие формы, и тогда содержание будет больше попадать в людей.

Слово «Сфера» возникло совершенно органично - и как принцип существований будущего театра, и как его название. Позже стали писать о нашем театре - «Сфера общения». Это правильное определение. Зрителей нельзя не видеть, нельзя игнорировать. Они тут, рядом!

- Но создать театр – дело непростое. Для этого мало одного желания…

- Сначала мы создали коллектив при Москонцерте. В первые годы наши артисты были на вторых ролях - на главные приглашали актеров с большими именами. У меня были хорошие отношения с Татьяной Дорониной, Екатериной Васильевой, Евгенией Симоновой, Евгением Киндиновым - список можно продолжать. Все они согласились участвовать в наших спектаклях. Но постепенно выросла наша собственная труппа и приняла театр на свои плечи. У нас и сейчас сохранилась практика приглашать исполнителей из других театров, но это случаи единичные, и зависимости от них, слава богу, нет.

Пока мы не получили помещение в саду «Эрмитаж», играли в зале Чайковского. Это потрясающее место, где жива душа Мейерхольда, где есть архитектурно заданное единство арены и зала. Мы искали подобные помещения по всей Москве. Работали в Центральном доме туриста на Ленинском - сейчас его вообще нет, на Плющихе в ДК «Каучук», замечательном здании, построенном архитектором Мельниковым в тридцатые годы прошлого века, там близки сцена и зал. А в 1984 году переехали в сад «Эрмитаж».

- Театру уже более 25 лет. Вас все в нем устраивает?

- Я очень хотела бы его развивать. Помещение нашего театра небольшое. Но мы научились чувствовать в нем себя свободно, а вот большая форма остается для нас проблемой. Но мы уже к ней готовы. На гастролях в Одессе, где мы выступали в традиционном театре, вынесли большой помост в партер, соединили его с авансценой, а на сцене усадили зрителей. Играли, наслаждаясь ощущением крупной сферы. Наши спектакли – «Троил и Крессида», «Дон Жуан», «Публике смотреть воспрещается!» - замечательно смотрелись в таком пространстве, приобретали масштаб. Стало ясно: нам нужен зал для большой формы.

- Известно, что с замечательным актером Олегом Далем вас на протяжении многих лет связывала творческая дружба. Как работалось с ним?

- Он действительно был моим большим другом, понимал меня и чувствовал. Хотел работать в нашем театре. Ни для кого не секрет, что он страдал алкоголизмом, а причина этого, конечно же, нервы, творческая неудовлетворенность. Он должен был играть главную роль в моем первом спектакле «Хочется на юг» в зале имени Чайковского, замечательно репетировал, но… в какой-то момент запил. Пришлось перенести премьеру на целый месяц. Даль потом вернулся и говорит: «Давайте выпускать спектакль, я все знаю, как играть…» Я говорю: «Олег, я вам опять верю, верю, как всегда». Но руководство филармонии уже не поверило. Какое-то время спустя он переехал в Петербург, а когда вернулся, позвонил мне. Подхожу к телефону и слышу: «Катя, я работал в «Современнике» - это мертво, я работал с Ефремовым - это мертво, я работаю сейчас с гениальным Эфросом, но и это мертво. У меня остался один живой адрес - я звоню вам». Это мне было очень дорого.

У Олега случались периоды, когда ему не разрешали сниматься, и он пошел в Малый театр, свою альма-матер, чтобы иметь место постоянной работы. У меня еще тогда театра не было. Олег сказал: «Где бы я ни служил, работать буду только у вас, так и знайте». Меня страшно поразила его внезапная смерть…

- На вашем счету много ролей в разных театрах. Как вы считаете, благодаря какой роли состоялись как актриса?

- Наверное, это Катерина в «Грозе», которую я сыграла в Театре имени Маяковского. Эту работу многие не заметили, потому что я вводилась в уже готовый спектакль, но для меня это был важный этап. А в Малом я играла сначала много, потом меньше. Потом поняла причину многих своих трудностей: я все время входила в конфликт с режиссером. Только с Зубовым, худруком Малого театра, у меня никогда не случалось конфликта - он меня любил, чувствовал и со мной всегда замечательно работал. Он и Андрей Александрович Гончаров – это два режиссера, с которыми мне было легко. Со всеми остальными я так или иначе приходила в конфликт.

Помню, играла Эмилию Галотти. У меня возникло недовольство тем, как я играю последнюю сцену, но никак не могла найти причину. Сейчас-то я понимаю, что потеряла динамику, стала играть каждый момент очень подробно и отдельно. Но тогда только мучилась, не могла понять свою ошибку. На спектакле присутствовал режиссер Цыганков, который ко мне прекрасно относился, считал одаренной и сильной актрисой. Он подошел и похвалил меня, а я сказала: нет, все не так, нужно все мизансцены изменить. И он огорчился, обиделся. Такой вот у меня был «захлест»...

- Именно тогда и пришло к вам решение стать режиссером?

- Еще в детские годы, когда я смотрела спектакль, в котором хотела что-то играть, всегда видела его иначе, не так, как он поставлен. Я всегда была в споре с тем, что вижу. В театре вновь с этим столкнулась. Ставится спектакль, я в нем занята, вижу роль по-своему, а режиссер говорит: нет, не так! И если в работе приходится отказываться от чего-то своего, то она становится мне уже не очень интересной. Этот опыт накапливался. Уйдя из Малого, перейдя в Театр имени Маяковского, я сразу же поругалась со знаменитым Охлопковым. И тогда поняла, что мне необходимо самостоятельное решение своей роли и спектакля в целом, а это и есть режиссура. Пошла к знаменитому режиссеру-педагогу Марии Осиповне Кнебель. Ее предупредили обо мне: «Она очень талантлива, но у нее жуткий, невыносимый характер». Гораздо позже Мария Осиповна мне это пересказала. Спросила: «Кэти, где же ваш ужасный характер, куда он делся?» Я говорю: «Наверное, он не проявляется, потому что я вас очень люблю, а в таких случаях у меня характер хороший»...

- И каким был ваш первый спектакль как режиссера?

- Сказка «Маленький принц» Сент-Экзюпери, которая идет в театре «Сфера» до сих пор. Мария Осиповна, когда я рассказала ей о своем замысле, сначала сказала: «Катя, это невозможно!». - «Ну прочтите инсценировку». - «Не хочу даже читать, эта сказка непереводима на язык театра». – «Ну все-таки прочтите». Она прочла и сказала: «Знаете, а пожалуй, удалось. Вы сохранили интонацию автора, и сказка не пропала». Я работала над этим текстом сначала в институте, делала целый акт со студентами, потом в Театре имени Станиславского показала эту работу главному режиссеру, замечательному мастеру Борису Львову-Анохину. И он разрешил мне выпустить постановку. Спектакль имел колоссальный успех. Это был конец шестьдесят шестого года, премьера состоялась под самый Новый год, и потом спектакль триумфально шел лет шестнадцать. А когда руководство театра наконец решило спектакль снять, весь его истрепавши, то я забрала у них двух актеров - Сатановского и Козлова, исполнителей ролей планет и Лиса, остальных актеров ввела новых, и мы стали играть его самостоятельно. Получился «Принц» без Принца. Замечательная актриса Олечка Бган, игравшая Принца, умерла, а заменять ее я не могла и не хотела. Я сделала новый вариант: Летчик рассказывает о Принце и подыгрывает за него. Этот спектакль идет более двадцати лет и всегда на аншлагах. «Маленький принц» до сих пор вызывает у меня прилив гордости.

- А из других ваших постановок какие вам особенно дороги?

- Все, особенно последние, пока они еще «становятся на ножки».

- Вы выросли в театральной семье. Ваша мать, Клавдия Еланская, была ведущей актрисой МХАТа, отец, Илья Судаков, был режиссером. Скажите откровенно, могли бы вы представить свою жизнь без театра?

- Не думаю. Любовь к театру я впитала с молоком матери. Я с детства любила и МХАТ, и Малый. Что говорить - спектакли в те годы были значительные, и я относилась к театральному искусству с большим уважением и интересом, сознавая, какое это крупное, серьезное дело. Сейчас театр мечется, теряет прежнюю значимость. Но я считаю, что правильно выбрала профессию, и не разочаровалась в ней. Если я сама не играю, то сочиняю спектакли вместе с актерами, фактически проживаю каждую роль. Это для меня даже интереснее, чем просто актерская судьба.

- А маму вы когда впервые увидели на сцене?

- Я видела ее почти во всех ролях. И Катюшу Маслову в «Воскресении» видела, и Катерину в «Грозе», и «Дни Турбиных», где она играла Елену. «Анну Каренину» видела, «Три сестры», «Последнюю жертву», «Хозяйку гостиницы». В общем, все ее роли, за исключением «У врат царства», где она сыграла еще до моего рождения. Знаю, что это была ее первая большая удача. Мама играла в паре с Качаловым, с которым они платонически любили друг друга, и это помогало творчеству. Ее драматический мир всегда очень сильно на меня действовал.

- Наверное, вы помните многих знаменитых артистов старого МХАТа, которые дружили с вашими родителями?

- Большим другом моих родителей был Николай Павлович Хмелев. Меньше помню Николая Петровича Баталова - он умер, когда я еще была маленькой. Но знаю, что он очень дружил с отцом, а мама - с его женой, Ольгой Николаевной Андровской. Вот ее я прекрасно помню. Ольга Николаевна меня крестила вопреки желанию родителей и требовала, чтобы я называла ее крестной. Я говорю: «Ольга Николаевна…» - «Нет, говори: крестная!» Все они участвовали в наших домашних застольях: и Ершов, и Хмелев, и Андровская. Это было второе поколение МХАТа, к которому принадлежали и мои родители. Согласитесь, мощная компания, в составе которой хочется назвать еще Тарасову, Степанову, Яншина, Грибова, Добронравова, Ливанова. Пока они жили и работали, МХАТ, который задумали старики, существовал. С их уходом он настолько изменился, что стал совсем другим театром.

Меня они прозвали Катька Махно, потому что я была маленькой хулиганкой. Ко мне относились как к непокорному, избалованному родителями ребенку, да я такой и была. Мой характер проявлялся с ранних лет, и его отличало упорство. Когда училась в школе, если у меня не выходила задачка, я грызла стол зубами. Потом, уже взрослой, выбирала пьесы, которые никто не знал, как ставить, и ни у кого не получалось. Думали, что это вообще поставить нельзя. Но я не искала легкого пути, и меня всегда привлекали «кроссворды».

- А ваши родители, которые знали театр не понаслышке, хотели, чтобы вы стали актрисой?

- Мама сначала не хотела. Она много натерпелась в театре. Я училась на «пятерки», особенно хорошо у меня шла математика. И мама мечтала, чтобы я пошла по линии дипломатии или математики, она видела во мне такие задатки. А еще она хотела, чтобы я была более счастливой, чем она. Но потом я прочитала маме пару стихотворений, и она изменила свое мнение: «Больше тебя отговаривать не стану. Ты можешь. Иди».

- Не могу не задать вопрос о вашем муже – генеральном директоре Малого театра, народном артисте СССР Викторе Ивановиче Коршунове. Вы никогда не занимали его в своих спектаклях?

- Нет. Правда, он открывал театр «Сфера» и читал на открытии стихи Маяковского. Вообще, он ко всем моим творческим начинаниям и поискам относился горячо и заинтересованно, не только сопереживал, но и старался помогать. Но в моих спектаклях он не играл.

- Почему же?

- Он всегда очень занят в Малом театре. И потом, я не хотела с ним за ручку идти по творческой жизни, а хотела сама.

- Ваш сын Александр - народный артист России, играет в Малом и тоже занимается режиссурой. Внук Степан – актер Малого театра, внучка Клавдия, названная в честь бабушки, играет в «Современнике». Как вы относитесь к тому, что ваши дети и внуки продолжают династию?

- Я очень рада этому. И Александр, и Степан играют не только в Малом театре, но и в «Сфере», мне очень дорого их участие. Саша разделяет мои творческие позиции, с ним у нас полное взаимопонимание. Он поставил в «Сфере» несколько спектаклей. Степа увлекается кинематографом, мечтает стать кинорежиссером, учится на высших режиссерских курсах. Он тоже понимает и любит «Сферу». Клавдюша только начала свой творческий путь, но уже исполняет в «Современнике» значительные роли. Что тут сказать? Куда нашим детям и внукам деться от актерских и режиссерских генов?!

Беседу вела
Татьяна СЕМАШКО